

Н. В. Венгер**НИЗОВОЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ЭМОЦИОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
«НЕМЕЦКОГО ВОПРОСА»**

В статье представлена версия эмотионалогического анализа «немецкого вопроса» – одного из проявлений российского националистического дискурса. Автор анализирует причины появления эмоциональной группы приверженцев данной социальной проблемы, этапы, особенности и перспективы её развития.

Ключевые слова: «немецкий вопрос», немецкая колонизация, российский националистический дискурс, эмоциональная группа, поздняя Российская империя.

Обоснование темы. Один из классиков национализма Э. Геллнер характеризовал предмет своего исследования как феномен, имеющий эмоциональную составляющую [17, с. 292]. Подобные наблюдения содержатся в работах и других, как известных (Ю. Хлебовича [47]), так и менее именитых исследователей (Б. Шейфера [51, с. 6]). Данные суждения теоретиков национализма предзадают представления о том, что изучение эмоционального наполнения событий, которые могут быть ранжированы как проявления национализма, выполняет не служебную, но базовую функцию в их реконструкции. В данной работе будет предпринята попытка использования когнитивных свойств эмотионалогического анализа для понимания «немецкого вопроса» как структурного элемента российского националистического дискурса второй половины XIX – начала XX в. При том, что отдельные сюжеты и проявления, связанные с изучением «немецкого вопроса», ранее находили отражение в работах отечественных и зарубежных авторов [3; 9; 19, с. 163–194], без исследования психологического сопровождения данного феномена, его эмоциональной направленности (валентности) и индивидуальных переживаний достичь полного понимания явления, его метафизики и событийно-логической динамики не представляется возможным.

© Венгер Н. В., 2016

«Немецкий вопрос» – одно из проявлений общественной жизни поздней Российской империи, система отношений, идеология и политика, которые сформировались в государстве в результате колонизации (последней трети XVIII – начала XIX вв.) и дальнейшего развития этнического потока, представленного немецкоязычными группами – католическими, лютеранскими и меннонитскими общинами. Как этапное явление [12], немецкий вопрос нашёл отражение, пожалуй, на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни: в идеологии и политике, на уровне межэтнических и межрегиональных отношений, межличностных бытовых коммуникациях.

По определению Э. А. Позднякова, низовой (бытовой) национализм – это проявление националистических чувств как на уровне личности, так и малых социальных групп [38, с. 56]. Данный исследователь заметил, что, чем ближе к бытовому и этническому национализму находится какое-либо событие (психологи используют понятие «социальное событие» [27]), тем в большей мере проявляются в нем психологические моменты, что, следовательно, определяет связь данного прецедента с конкретной личностью, её эмоциями, настроениями и убеждениями.

Продолжая рассуждения Позднякова, заметим, что проявления бытового национализма не являются исключительно индивидуальными. Явление обретает масштаб социального феномена тогда, когда устремления множества людей, их поведенческие проявления суммируются в некоторое единство человеческих поступков и настроений, создавая заметный фон – психологическую ситуацию, окрашивающую социальное бытие. Таким образом, наши предположения основываются на том, что бытовой (низовой) национализм выражался в определённом психологическом состоянии, ауре, общем эмоциональном фоне, который являлся проявлением отношения отдельной личности и её социальной группы к актуальной общественной проблеме (в нашем случае, «немецкому вопросу»). При этом эмоциональный фон проявляет себя как определённый психолого-социально-культурный конструкт, сопровождающий бытовые коммуникации. Следует также предположить, что на формирование данного конструкта могли повлиять как личные коммуникативные компетенции (1), возможность заимствования ранее возникшего и перешедшего в архетип общественного опыта (2), так и политически пропагандируемая и, возможно, целенаправленно насаждаемая государством идеология (3).

Предварительные пояснения. Историческая эмоциология является одной из новых областей исторических исследований [16]. Несмотря на априорное признание того, что эмоции и порождающие их практики исторически и социально обусловлены, несмотря на предложенную рядом авторов методологию и терминологию, в современной эмоциологии, как выразилась Е. Трубина, всё ещё «должно быть много сделано для прояснения понятий и уточнения линий влияния» [43]. В связи с этим автор данной публикации, с одной стороны, чувствует себя достаточно свободно в выборе подходов к исследованию и дальнейшей интерпретации результатов, а с другой – осознает необходимость дальнейшей верификации полученных выводов, оценивая их как весьма скромную попытку нащупать «метод», понять его инструментальную применимость к изучению избранной проблемы. Большинство исследователей в качестве материала для эмоциологического анализа выбирают текст / жест / физические проявления. Нам представляется не менее важным использование свидетельств, связанных с поступками и действиями как отдельных личностей, так и социальных групп, которые в не меньшей степени отражают эмоциональный фон социального события.

Системообразующим фактором психологической ситуации низового национализма является личность – её эмоции¹ и свойства, актуализированные в определённый момент. Индивид является одновременно и репрезентантом собственной личностной уникальности, и представителем определённой социальной группы. Эмоции обладают свойством распространения – «заражения», что вызывает автоматическое подражание и синхронизацию действий отдельных индивидуумов [2]. Именно данное качество явления позволяет предположить, что координация психолого-эмоционального состояния отдельных личностей способна привести к формированию *социальной эмоции* как общей психологической волны, объединяющей субъектов социального события в определённой ситуации (например, радость, злость, гордость и так далее). В отличие от индивидуальных эмоций, свойственных отдельной личности, являющихся скорее реактивными процессами, *социальные эмоции* – идеальные образования, требующие времени формирования. Они, как нам видится, возникают в результате

¹ Эмоция – непосредственное психическое отражение отношения к явлениям окружающей действительности и собственным состояниям, представляющее целостное единство его вегетативных и когнитивных компонентов [См. 44].

«взаимозаражения» и последующего закрепления психологического состояния в обществе. Исходя из определения *социальной эмоции*, *эмоциональный фон* следует понимать как совокупность эмоций, проявляемых обществом в определённой исторической ситуации.

Психологи поясняют, что эмоции обслуживают естественные потребности человека и зависят от них [45]. Между эмоциями и потребностями существует логическая связь. Так, удовлетворение потребности вызывает положительные эмоции¹, их блокирование – негативные. Если же объект (носитель эмоции) не рассматривает субъект (источник) как явление, связанное с его потребностями, возникают эмоции нейтральной валентности. Лишение возможности удовлетворения основных потребностей приводит человека/общество к депривации (состоянию недовольства), которое нередко переходит в агрессию. Агрессия может иметь эксплицитный характер, направленность во внешнюю среду, на объект, который является виновником депривации. В случае, если индивид / социальная группа не может разобраться в сути происходящих событий, их гнев устремляется в ложном направлении – в сторону случайного объекта, не имеющего отношения к конкретной ситуации. Данная реакция является одним из самых частых проявлений низового национализма.

Таблица 1. Перечень наиболее часто проявляемых (основных) эмоций²

<i>Позитивные</i>	<i>Нейтральные</i>	<i>Негативные</i>
Любовь, гордость, уважение, уверенность, благодарность, доверие, симпатия, спокойная совесть, удовлетворение собой, восхищение, безопасность	Любопытство, удовлетворение, изумление, безразличие, спокойно-созерцательное настроение	Гнев, недовольствие, тоска, печаль, отчаяние, тревога, обида, угрызение совести, боязнь, испуг, страх, жалость, сострадание, отвращение, сожаление, чувство вины, стыд, чувство оскорбления

¹ При определении валентности эмоции (положительная – отрицательная) учитываются субъективные переживания личности в плоскости удовольствия – недовольства, восприятие события самим индивидом, а не этический подход в оценке ситуации.

² Один из наиболее полных и доступных нашему читателю анализов психологии эмоций, причин их появления и содержания представлен К. Э. Изардом [24].

Другим свойством эмоций, важным для нашего исследования, является их способность часто и интенсивно видоизменяться. Предварительное изучение «немецкого вопроса» как идеологического концепта позволили выделить три этапа его формирования [12]:

- 1) протонационалистический (втор. пол. XVIII ст. – 1848 г.) (складывание исторических оснований «немецкого вопроса» и их эмоционального сопровождения. Возникновение колониофобии);
- 2) период 1848 – 1881 гг. (формирование «немецкого вопроса» как националистического концепта. Складывание эмоциональных сообществ. Возникновение германофобии);
- 3) 1881–1917 гг. (развитие «немецкого вопроса» в условиях утверждения государственного национализма).

Если мы оцениваем «немецкий вопрос» как этапное явление, мы должны ожидать, что социальные эмоции и общий эмоциональный фон, сопровождающий его развитие, также должен меняться. Данную трансформацию следует связывать как с объектно-субъектными (в нашем случае, между представителями немецкого этноса и местным населением), так и межсубъектными отношениями (внутри той части социума, которая определяет себя как оппозиционная по отношению к немецкоязычным группам), которые проявляются и оказывают влияние на развитие феномена.

Исторические основания возникновения «немецкого вопроса» и их эмоциональное сопровождение. Предысторией появления «немецкого вопроса» в Российской империи является колонизация конца XVIII – первой трети XIX ст. Поскольку программа переселения была инициирована властью, переселенцы попали в весьма благоприятный социальный и финансовый климат. Колонистам обещали привилегии, а первоначальная модель расселения была составлена таким образом, чтобы обеспечить минимальные контакты между местным и вновь прибывшим населением. В проектах князя Г. Потёмкина («Греческий проект», «Крым» [23, с. 70]) были представлены задачи организации переселенческой практики на территориях Юга империи, главной из которых являлся принцип несоприкосновенности народов с разной культурной и религиозной традицией. В ходе колонизации немецкие переселенцы, как одна из перспективных с точки зрения экономической пользы колонизационных групп, получили от властей щедрые привилегии, аккумулировали значительные материальные

средства, которых было лишено коренное население – собственный социальный ресурс России. Данная ситуация становилась темой закрытых дискуссий и провоцировала своего рода протестные настроения, в первую очередь, среди образованных и причастных к колонизации представителей российского общества, вызывая к жизни первые антиколонизационные (не антинемецкие) настроения на этапе, предшествующем национализму. В условиях абсолютизма, отсутствия гражданского общества и публичности голоса носителей данных настроений, чиновников и дворянства, оставались скрытыми за позитивными отзывами о результатах колонизации и поощрительных мероприятиях относительно иноэтничных эмигрантских групп, звучавших со стороны активных организаторов программы – А. М. Фадеева, А. Э. Ришелье, а несколько позднее – И. Н. Инзова. Тем не менее, мы располагаем некоторыми косвенными сведениями о существовании такой альтернативной позиции [36]. В ходе колонизации проявились и реальные практические проблемы, которые вносили коррективы в первоначальные планы властей. Исследования А. Бойко показали, что ко времени заселения колонистов, меннонитов и немцев-католиков на Юге оставалось не так много пустующих земель [4], а найденные нами материалы свидетельствуют о том, что образование новых поселений нередко сопровождалось ротацией населения¹.

О первых межэтнических контактах историкам Д. Яворницкому и Я. Новицкому поведали современники первых волн переселения. Местный учитель Я. Гепнер сообщал, что жизнь первых поселенцев была небезопасной и колонии периодически становились жертвами набегов блуждающих банд и отдельных разбойников (бывших казаков, местных крестьян) [46, с. 203–204]. Таким образом, за первые годы и даже десятилетия взаимного познания колонистов и окружающего их населения было накоплено немало взаимных упрёков. Изначально построенная на системе неравномерной легитимности колонизационная политика провоцировала зачатки негативных настроений относительно колонизации и переселенцев, направленные, прежде всего, против благополучных немцев. Таким образом, сами колонисты вольно (своим

¹ Колонии Хортица и Розенталя (с 1789) были основаны на месте ранее существующей деревни, принадлежавшей князю Г. Потёмкину, где до того времени были построены усадьба князя, сад, пруд и водяная мельница. В 1789 году Потёмкин передал Хортицу государственной казне, а его крестьяне были переселены в казённую слободу Томаковку. [32, с. 178]

поведением) или невольно (самим фактом присутствия) становились источником негативных эмоций, настроений и формируемых на их почве стереотипов, ставших в дальнейшем основой протонационалистических настроений, оказывающих влияние на формируемый ими в российском обществе «презентационный образ» группы. Виртуальное описание немца глазами простоянина может быть представлено следующими характеристиками, составленными преимущественно визуально ввиду языкового барьера: трудолюбивые, аккуратные, семейные, преданные власти и государю (поскольку были «водворены» по воле монарха), богобоязненные; себе на уме, зажиточные, пришедшие на нашу землю, посягающие на наше добро, замкнутые и непонятные. Независимо от того, каковым было соотношение этих характеристик по шкале позитив-негатив, главной квинтэссенцией характеристики является понятие «другой» / «чужой», непохожий и непонятный. Таким образом, изначально в свободном от идеологии крестьянском сознании представление о немцах-колонистах формировалось как образ этноса (в дальнейшем, нации)-антипода: им всё – нам ничего, и так будет всегда. Самый общий анализ обстоятельств колонизации позволяет сделать некоторые предположения о характере его эмоциональной валентности в среде простых крестьян – непосредственных коммуникаторов с немецкими переселенцами (Таблица 2): девять позитивно-нейтральных позиций против пяти негативных.

Таблица 2. Эмоциональный фон отношения к колонизации на этапе протонационализма (активированные эмоции).

Позитивные	Нейтральные	Негативные
Уважение, доверие, симпатия, спокойная совесть, восхищение, безопасность	Л ю б о п ы т с т в о , изумление, безразличие, спокойно-озерцательное настроение	Неудовольствие, тревога, боязнь / опасение, гнев, обида/чувство оскорбления

Данная таблица, безусловно, не может учитывать всех социальных ситуаций, возникающих на начальном этапе взаимоузнавания переселенцев и местного населения, однако всё же способна уловить общую социальную эмоцию. То негативно-нейтральное отношение, которое появлялось в обозначенный период (период протонационализма), компенсировалось официальной позицией власти, выражающей немцам переселенцам-колонистам доверие.

Заметим, что существовала и вторая версия образа немецких колонистов, сформированная властями на этапе колонизации. Данный образ носил позитивный характер. Попечительные органы – главные трансферы социального имиджа колоний, всячески пропагандировали хозяйственный опыт и экономические достижения поселений в материалах делопроизводства Министерства внутренних дел, однако данная преимущественно «кабинетная» пропаганда [9, с. 136–137] едва ли могла скорректировать позицию тех, кто по каким-либо причинам испытывал неудовлетворение в связи с появлением «инородцев».

Концептуальное оформление «немецкого вопроса» (1848–1881 гг.) сопровождалось формированием эмоционального сообщества¹ – виртуального лагеря приверженцев данной идеологии. Начало данного процесса происходило в контексте дискуссии о социальной справедливости, о путях и способах формирования единой русской / российской нации, инициированных общественностью после двух польских восстаний. Возникновение первой версии «немецкого вопроса» связано с публицистической деятельностью Ю. Ф. Самарина. Будучи чиновником Министерства внутренних дел, он написал работу «Письма из Риги» (1849 г.) [41], в которой изложил свои опасения относительно перспектив ослабления позиций России и православия в Прибалтике в связи с тем влиянием, которое балтийские немцы, проживавшие в регионе с XII в., оказывали на данную территорию и местные народы. Продолжением его первого резонансного произведения стал труд «Окраины России» (1868 – 1876). Несмотря на то, что за первое из названных произведений Самарин получил порицание, а второе было запрещено цензурой, отрывки из его работы «Окраины России», изданной в Праге и Берлине, часто цитировались М. Н. Катковым в его «Московских ведомостях», печатались И. С. Аксаковым в его газете «Москва», а третий выпуск многотомника был опубликован в «Русском архиве» П. И. Бартенева [1, с. 63]. Содержание произведений вызвало в обществе тот отклик, которого ожидал сам автор. Ф. И. Тютчев, который, хотя в целом и разделял настроения Самарина, но занимал должность председателя Комитета цензуры иностранной и поэтому отметил следующее: «Книга Самарина по-прежнему является злобой дня. Это настоящее событие. Решено запретить её открытую продажу – после

¹ Термин, предложенный Б. Розенвейн. Эмоциональное сообщество – приверженцев единых норм и ценностей, наделённые сходными или взаимосвязанными эмоциями [50].

того, как она почти полностью перепечатана на страницах двух главных газет Москвы. Однако успех данной книги был бы не столь значителен, не будь предприняты подобные меры» [там же, с. 64]. Дальнейшее развитие темы «немецкой угрозы» находим в работах И. С. Аксакова и М. Н. Каткова. Трибуной для продвижения их убеждений и «немецкого вопроса» в целом стали газеты «День», «Москва», «Москвич», «Русь» Аксакова, «Московские ведомости» Каткова (опубликовал на данную тему 72 статьи [49, с. 392]), «Новое время». Достаточно пролистать данные газеты, чтобы получить красочную подборку мнений и деклараций по интересующей нас проблеме.

Начиная с критики остзейских колоний, первые идеологи «немецкого вопроса» (Самарин, Аксаков, Катков), экстраполировали проблему на всё немецкоязычное население империи, убеждая общественность в том, что немцы в Российской империи завоёвывают политическое влияние, постепенно преобразовывая себя в «политическую национальность». Уже в публикациях 1848–1860-х гг. были сформулированы и представлены на суд общественности основные идеологемы – составляющие «немецкой проблемы» [13; 14], а именно: 1) вопрос о привилегированном положении немцев и несовершенстве внутренней политики относительно колонизации и нетитульных этнических групп; 2) необходимость реформирования и правовой унификации населения как важнейшей государственной задачи; 3) опасность германизации. Были сформулированы тезисы о «внутренних врагах» и «верном оплоте», «государствах в государстве», безмерном расширении немецкого землевладения, нелояльности; 4) было указано на связь между внутренней политикой российского государства в отношении остзейско-польского узла с мониторингом других нацменьшинств; 5) были высказаны идеи о необходимости регулирования в области использования языков; 6) представлены первые концепции о единой русской нации, в которых с некоторыми оговорками речь шла о целесообразности доминирования представителей русской национальности; 7) прозвучал призыв к консолидации подданных против внутреннего врага. Таким образом, мобилизация нации происходила по антагонистическому сценарию – сценарию «союза против». Данные идеи предоставляли некоторый материал для раздумий, в определённой степени способствовали формированию конфронтационной атмосферы на следующем витке развития националистического дискурса.

Вокруг данного комплекса воззрений формируется группа сторонников – «эмоциональная группа», члены которой по каким-либо причинам разделяли мнение относительно выше сформулированных тезисов. Их объединяли, возможно, не только доступ к определённым периодическим изданиям, но и сходство политических предпочтений, доверительное отношение к прочитанным ими публикациям либо собственный негативный опыт коммуникации с представителями немецкого этноса. В фактическом выражении это были представители различных социальных групп, однако преимущественно образованные люди. В нашем случае данная территориально разобщённая эмоциональная группа – это виртуальная «толпа», которая, как определяет данное понятие современная социология, представляет из себя бесструктурное сосредоточение людей, лишённых ясно осознаваемой общности цели, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим объектом внимания (в нашем случае – фантомом немецкой угрозы) [42]. Следует предположить, что данная эмоциональная группа, объединённая германофобией (данный термин не воспринимается нами как оценочный), формируется, грубо говоря, слухами – путём распространения информации, представленной в прессе.

Социальные психологи выделяют слухи и «взаимное заражение» (эмоциональное кружение, циркулярную реакцию) как фактор формирования толпы, что применимо, как мы полагаем, к процессу формирования виртуального «эмоционального сообщества» [31]. В ходе взаимного обмена впечатлениями и обсуждения прочитанного с близкими людьми, при случайном общении срабатывает модель «взаимного заражения», т.е. обмена эмоциональным состоянием. Как заметил А. П. Назаретян, эмоциональное кружение ситуативно снижает роль личностного опыта, индивидуальной и ролевой идентификации, здравого смысла [31]. В рассматриваемой нами эмоциональной ситуации это способно было привести, в том числе и к тому, что индивид, ранее имевший опыт позитивного общения с немцами, реагировал по примеру других людей, начинал испытывать сомнения по поводу истинности своих собственных впечатлений. Его рассуждения могли строиться по следующему сценарию: «Возможно, мой друг – немец N – порядочный и преданный России человек, но где же гарантия того, что теми же добродетелями обладают и другие немцы, проживающие в империи? Ведь дыма без огня не бывает!». В дальнейшем, на этапе обострения

социальной эмоции, это может привести к тому, что поведенческая реакция таким образом психологически подготовленного индивида также будет соответствовать поступкам (порой агрессивным), совершаемым другим представителям сообщества.

Поиск врага в образе немца-инородца был, несомненно, вызван объективными обстоятельствами развития Российской империи (польскими восстаниями, появлением и развитием националистического дискурса), процессами образования Германской империи. Как утверждал Дж. Армстронг, «создание Второго рейха стало началом конца многомиллионной немецкой диаспоры во всей Восточной Европе, а прежде всего в Российской империи» [48]. Однако было и нечто другое, характерное для законов развития социума в контексте социальной психологии. Американский ученый Дж. Девис пришёл к интересному выводу: пока люди живут «стабильно плохо», они не испытывают неудовольствия своим бытием, а вероятность социальных протестов, взрывов появляется и растёт там, где есть растущие ожидания [21]. В связи с этим появление «немецкого вопроса» следует рассматривать и как следствие эпохи реформ, которая, хотя и не привела к улучшению состояния жизни населения империи в целом, но вселила в отдельные социальные группы надежды на прогресс. Когда же данные ожидания не осуществились, а потребность в них оказалась заблокирована, общество пошло по пути психологической компенсации – поиска скрытого врага. Таким образом, сработал некоторый механизм, который переключил эмоциональную группу от программы недовольства собой («Нам это не удалось») на схему недовольства другими («Не удалось, потому что нам помешали»).

Проявление «немецкого вопроса» сопровождалось совокупностью эмоций, в числе которых находились и страхи. Страхи также явились продуктом слухов и эмоционального заражения. Исходя из принятой классификации слухов [31] и их содержательной стороны, применительно к нашей проблеме мы вычленим два вида слухов: слух-предостережение (например, тезис о том, что немцы – скрытые враги) и слух-желание («если проблема будет решена политически, у немцев землю заберут и нам передадут»). Если слухи-желания отражают ожидания эмоциональной группы и соответствуют более позднему этапу развития «немецкого вопроса», то слухи-предостережения явились фактором, вызвавшим возникновение эмоциональной группы, активизировавшим у определённой части российского общества

манихейское мышление, свойством которого является поиск некоего заговора, зловещего замысла, носителями которого были «назначены» немцы.

Страхи-предостережения создавали в среде приверженцев эмоциональной группы тревожные «ожидания» – предчувствия негативного. Поскольку ситуация в государстве сохраняла свой проблемный характер, «немецкий вопрос», однажды возникший в российском обществе и затрагивающий различные сферы интересов (изначально аграрный вопрос, затем – промышленность), сохраняя актуальность, ангажировал в состав эмоциональной группы всё большее количество сторонников. Слухи и порождаемые ими страхи продемонстрировали способность к выживанию, укоренились в коллективном бессознательном. Видимо, следующее поколение воспринимало тезис о внутренней немецкой угрозе как априорное суждение («Да-да, я знаю. Об этом ещё Катков писал...»). В таких социальных обстоятельствах численный состав такого рода эмоционального сообщества мог возрастать ещё более быстрыми темпами.

Следует также обратить внимание на то, что, переходя в контент коллективного бессознательного, слух переживает период адаптации – изменения содержания с целью его приспособления к реалиям момента. Механизм адаптации включает в себя несколько важных действий: 1) удаление лишних (несущественных) деталей; 2) заострение оставшихся элементов слухов, которые подчеркивают его социальную значимость; 3) приспособление под стереотипы [31]. В несколько упрощённом виде ход описанной выше адаптации представлен в *Таблице 3*.

Таблица 3. Адаптация слуха.

Слух-предостережение	Заострение важной детали	Приспособление под стереотипы
Немцы и евреи, которые являются агентами Германии, – враги России	Немцы и евреи – враги (выглядит более выразительно, легче запоминается)	Немцы – враги (приспособление тезиса под реалии «немецкого вопроса»)

Таким образом, в период 1848– 1881 гг. «немецкий вопрос» приобретает идеологическое обоснование, становится публичным явлением, а формирующийся вокруг него эмоциональный лад демонстрирует тенденцию устойчиво негативного характера.

Таблица 4. Эмоциональный фон «немецкого вопроса» в 1848–1881 гг. (активированные эмоции)

Позитивные	Нейтральные	Негативные
Уважение (к себе, благодаря переносу ответственности на другого), уверенность (в правильности тезисов); спокойная совесть (убежденность в правильности собственной позиции)	Любопытство, удовлетворение собой (исходя из уверенности)	Отчаяние, тревога, обида, испуг, страх, сожаление, гнев, чувство оскорбления

Дискуссии, которые разворачивались в системе российского националистического дискурса вокруг статуса немецкого населения Остзейских губерний и затем – колониетских поселений на Юге Российской империи, в Юго-западном крае (на Вольни) повлияли на содержание реформ унификации. Принятые на данном этапе законодательные акты (Закон о ликвидации колониетского статуса (1871), Военный устав 1874 г., введение городского положения в Остзейском крае в 1877 г.), не остановили поступательной эволюции хозяйственного механизма колоний, роста немецкого землевладения и укрепления находящихся в собственности немцев предприятий [10]. Заметим, что в условиях модернизации именно экономический успех обеспечивал бывшим колониетам, немецким землевладельцам и предпринимателям поддержку государства и являлся их «иммунитетом» от национализма, от радикальных политических репрессивных мер против «немцев», которых требовала та часть низового «эмоционального общества», которая оказалась подвержена антиколониетской, а затем и антинемецкой пропаганде. В связи с этим сегмент национальной политики, направленный на регулирование позиций немецких поселений, долгое время не был столь радикальным и последовательным, носил спонтанный, реактивный и фрагментарный характер.

Низовой национализм и «немецкий вопрос» в условиях утверждения державно–государственного национализма (1881–1917). Новый политический курс относительно инородцев весьма показательно проявился с начала правления Александра III и формировался под влиянием его наставника К. Победоносцева – лидера консервативной

партии, публициста, противника парламентаризма и народного представительства, чьи взгляды молодой монарх воспринял «как политическую программу» [15]. По свидетельству Ю. Гюббе, цесаревич впервые прочитал «Рижские письма» в возрасте 22 лет, а в середине 1870-х гг. он ознакомился и со вторым произведением Самарина [18]. Не случайно современник событий Б.Э. Нольде высказывал мысль о том, что вся прибалтийская политика Александра III основана на тезисах Самарина [35]. Император возвёл идеологические установки национализма на пьедестал государственной политики и идеологии. С этого периода все виды национализма (низового (бытового, стихийного) и государственного) получили официальную поддержку. Данная политика не только способствовала ангажированию в состав «эмоциональной группы» новых членов, но и росту убеждённости адептов данной группы в правоте своих взглядов. Об этом, например, свидетельствуют материалы переписки К. П. Победоносцева, который по понятным для нас причинам «притягивал» к себе внимание приверженцев «немецкого вопроса». В письмах явно прослеживаются эмоциональные установки членов данного виртуально объединённого сообщества – страхи, конспирологические сценарии, требования проявить бдительность. Среди материалов переписки присутствует письмо некоей госпожи Александры Копейкиной, которая, проявляя опасения относительно католической угрозы в государстве, утверждала, что иноземцы «не должны бы ни под каким видом иметь домов, земель или фабрик в России: это погибель государства» [26]. В обращении родителей учеников петербургской гимназии № 8 представлена упредительная информация о деятельности преподавателей гимназии – Мора (директора), Фохта, Гейтмана, Коробевича, Миллера [37]. Авторы письма обвиняют учителей-немцев в непатриотизме, опасаются онемечивания православных детей. Письмо, подписанное анонимным автором «иностранец» (1888), сообщает адресату о наличии в Санкт-Петербурге еврейско-германской агентуры, которая, по мнению автора, действует в области финансов и экономики [25].

О политическом, а не полемическом аспекте «немецкого вопроса» также свидетельствует петиция Екатеринославского уездного земского собрания (1888 г.) к властям, в которой речь шла о принятии мер по ограничению немецкого землевладения [28]. Тема была поднята гласными Мунтяном (от крестьян) и землевладельцем Марцинкевичем. Сообщалось, что немцы окружают своими землями

местные крестьянские селения. В результате у крестьян остаются две реальные возможности: либо переселение, либо опасность стать бездомными батраками немцев [39, с. 302]. Петиция, подготовленная в уезде, в дальнейшем была передана в губернское земство, где не была поддержана [29; 30; 33; 34].

Объективно, испытывая трудности в решении многочисленных проблем империи, власти вольно или невольно не опровергали слухи «об угрозах», тем самым молчаливо соглашаясь с ними. Среди первых энергичных действий правительства в русле «немецкого вопроса» были указы 1885 – 1888 гг. [9, с. 412]. Следует также упомянуть о пропаганде П. Победоносцева против протестантских сект [15], а также вспомнить деятельность П. А. Столыпина. Отдавая извечный «долг» российскому крестьянству, в своей политике Столыпин продвинулся дальше предшественников, урезая права представителей нетитульных этносов. Создавая прецедент «урезания прав» немцев в ходе своей переселенческой реформы [11], премьер заложил основания для новых конфликтов, которые проявят себя в ближайшем будущем на этапе Первой мировой войны. «Немецкий вопрос» также развивался и в теоретической плоскости. В предвоенные десятилетия концепция «мирного завоевания» России бывшими колонистами была весьма убедительно представлена обществу в работах А. Величина, С. Бондаря, Г. Евреинова и других чиновников, публицистов и общественных деятелей [5; 6; 22].

По понятным причинам, наибольшего эмоционального накала «немецкий вопрос» достиг в период Первой мировой войны в условиях разработки и имплементации Ликвидационного законодательства – серии законодательных актов, обсуждаемых, принимаемых и действующих в России в течение 1914–1917 гг., направленных на ограничение землепользования, землевладения и в целом влияния иностранного, преимущественно немецкого, капитала в России. Общая особенность «Ликвидационной» программы состояла в том, что, возникнув как проект, направленный против подданных государств, с которыми воевала империя, она вскоре превратилась во внутреннюю экономическую войну против немецкоязычного населения России [8]. Бесспорно, что количество приверженцев антинемецкого «эмоционального сообщества» в условиях мировой войны существенно возросло. Вместе с тем следует заметить, что обсуждение антинемецких законов (после нескольких, принятых летом 1914 г.) пришлось

преимущественно на период февраля 1915–1916 гг. Важным является вопрос, почему принятие законов было отсрочено, а их последующее осуществление имело непоследовательный характер? Известно также, что в конце весны – летом 1915 г. в Москве и некоторых других регионах империи (включая Екатеринославскую губернию) прошли немецкие погромы [19; 20]. В связи с этим также необходимо понять, почему народный гнев излился на ненавистных немцев не в августе 1914 г., а фактически через год после начала войны.

Для ответа на данные вопросы следует вспомнить, кто именно входил в состав эмоционального сообщества. Это были, вероятно, легко поддающиеся внушению, влиянию слухов индивиды. Пропагандисты «немецкого вопроса» всегда обосновывали свои теории патриотическими мотивами, что позволяло адептам данной националистической концепции оправдывать свою враждебность (тем, кто был нацелен на получение выгоды в результате экспроприации имущества немцев), повышать собственную самооценку («бескорыстным», искренним членам эмоционального сообщества). С началом войны гражданская потребность «ощущать себя патриотом» была активирована и задействована в контексте общего порыва, направленного на защиту Отечества. Летом 1914 г. общество было объединено состоянием фасцинации, монархического восторга, верой в идеальный образ справедливой войны. Когда же представление о войне через призму победной перспективы не воплотилось в жизнь, произошла перемена общественных настроений, усилилась социальная напряженность, было утрачено доверие к монарху [7]. Как утверждают психологи, именно такое состояние общества в условиях высокой степени неопределенности (страх был вызван недостатком информации о состоянии на фронтах, публикациями о деятельности немецкой шпионской сети [40]) способствует взаимной эмоциональной индукции: люди охотно группируются, обсуждают волнующие темы, лихорадочно ищут информацию, оказываются реципиентами и ретрансляторами слухов. Индукция легко переходит в стихийные формы массового поведения [31], что привело членов эмоциональной группы и их «случайных попутчиков» – безидейных участников бесчинств к антинемецким погромам, прокатившимся по России и приведшим к человеческим жертвам и материальным потерям. Данные события явились кульминационной точкой развития «немецкого вопроса» в Российской империи.

Выводы.

Анализ эмоционального наполнения «немецкого вопроса» в контексте низового национализма позволяет не только обнаружить новое измерение данного социального явления, что само по себе любопытно, но и раскрывает его некоторые скрытые смыслы.

Появление «немецкого вопроса» как идеологического концепта свидетельствовало о том, что в империи формируется сфера общественного – социальная среда, объединённая множеством интересов и пронизанная целым рядом противоречий, ведущая непростой диалог о проблемах, важнейшей из которых была тема социальной справедливости и перспектив участия отдельных этнических групп в процессах формирования единой нации. Эмоциональная группа «немецкого вопроса», как сегмент гражданского общества, складывалась под воздействием идеологии национализма и явилась своеобразной адаптационной средой для дальнейшего развития идеологии.

Если идеология была публичной стороной немецкой проблемы, то эмоциональное сообщество – объект низового национализма – являлось одновременно результатом популяризации концепта, истинным механизмом продвижения идеологии на бытовом уровне, средством объединения общественности (единения против...). Низовой национализм был важным средством в руках державно-государственного национализма: к нему власти и их идеологи прибегали для реализации своих целей, навязывая обществу через эмоциональную группу «эмоциональный режим» – нормативные эмоции, переходящие со временем в архетип.

Характер эмоционального сопровождения «немецкого вопроса» менялся в зависимости от момента развития, степени сформированности теоретического концепта, его политической актуальности на отдельных этапах развития государства. Эмоциональное сообщество также продемонстрировало свою способность не только к неподконтрольному существованию (немецкие погромы), но и независимому теоретизированию (формирование упрощённых идеологем-архетипов).

Эмоциональное сообщество было объединено настроениями неприятия по отношению к избранной им этнической группе. Продуктивная сторона данной социальной эмоции должна была состоять в том, что могла бы мотивировать её носителей на решение проблемы. Однако данная схема срабатывает лишь в том случае, если

сама проблема правильно понята обществом, является реальной, а не иллюзорной. Анализ методов решения «немецкого вопроса» через призму истории эмоционального сообщества свидетельствует о том, что процесс образования гражданского общества в России всё ещё находился на том начальном этапе, когда подданные слабо осознавали и свою роль в государстве, находящемся в состоянии модернизации и эффективные пути решения важных для страны социальных проблем.

1. *Бадалян Д. А.* Книга Ю. Ф. Самарина «Окраины России» и цензура / Д. А. Бадалян // Труды Санкт-Петербургского института культуры. – 2016. – Т. 213. – С. 60–70.
2. *Баум А. С.* Эмоции / А. С. Баум // Психологическая энциклопедия / под. ред. Корсини, А. Ауэрбаха. – М.; СПб.; Н. Новг.; Воронеж, 2006. – С. 1020–1021.
3. *Бобылева С. И.* Общественное мнение России начала XX в. о российских немцах / С. И. Бобылева // Немцы Приазовья и Причерноморья: история и современность. – Донецк, 2003. – С. 125–137.
4. *Бойко А.* Південна Україна останньої чверті XVIII ст. / А. Бойко. – Запоріжжя, 1997. – 204 с.
5. *Бондарь С.* Секта меннонитов в России / С. Бондарь. – Петроград, 1916. – 202 с.
6. *Велицын А.* Немцы в России / А. Велицын. – СПб, 1893. – 282 с.
7. *Венгер Н. В.* Власть и война: монархия и великая война 1914 – 1918 гг. в восприятии лояльного сегмента российского общества / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск., 2014. – С.131–164.
8. *Венгер Н. В.* Казус «Ликвидационного законодательства»: факторы антиколониальной пропаганды и антиколониального сознания в динамике межэтнических взаимоотношений в поздней Российской империи (на примере истории меннонитского предпринимательства) / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории : сб. научных трудов. – Днепропетровск, 2007. – С. 110–127.
9. *Венгер Н. В.* Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789 – 1920) / Н. В. Венгер. – Днепропетровск, 2009. – 699 с.
10. *Венгер Н. В.* Меннониты и власть в конфликте 1860 – 1870-х гг.: pro et contra реформ унификации / Н. В. Венгер // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой отечественной войны и в исторической памяти потомков. – М., 2011. – С. 449–467.

11. Венгер Н. В. Идея о единой русской нации и немецкий вопрос в мировоззрении П. А. Столыпина / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск., 2012. – С. 61–91.
12. Венгер Н. В. Немецкая колонизация и российский национализм: динамика формирования идеологических концептов и государственной политики / Н. В. Венгер // Два с половиной века с Россией: материалы 4-й международной научно-практической конференции. – М., 2013. – С. 34–55.
13. Венгер Н. В. «Німецьке питання» в оцінці І. С. Аксакова та Ю. Ф. Самаріна: діалог з російським суспільством у десятиліття Великих реформ (1860 – 1870) / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2011. – С. 30–52.
14. Венгер Н. В. Проблеми реформування іноземних колоній та ідея єдності російської нації М. Н. Каткова: біля витоків російського націоналістичного дискурсу / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2010. – С. 30–50.
15. Венгер Н. В. Психологія російського націоналізму у діяльності П. Победоносцева / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2013. – С. 61–91.
16. Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» / И. Винницкий // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 441–460.
17. Геллнер Е. Нації та націоналізм / Е. Геллнер // Націоналізм: Антологія. – К., 2000.
18. Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865 – 1881 / Ю. В. Готье // К. П. Победоносцев: pro et contra. – СПб., 1996. – С. 462–463.
19. Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт / В. Дённингхаус. – М., 2004.
20. Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский. – М., 1997. – Т. 2. – С. 557–560.
21. Дэвис Дж. Социальная установка / Дж. Дэвис // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. – М., 1972. – С. 54–68.
22. Евреинов Г. А. Российские немцы / Г. А. Евреинов. – Пг, 1915. – 34 с.
23. Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потёмкина / О. И. Елисеева. – М., 2000. – 342 с.
24. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб, 2000. – 464 с.
25. «Иностранец» – Победоносцеву К. П. (февраль 1888) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск, 2003. – Т. 2. – С. 444–449.

26. *Копейкина А. – Победоносцеву К. П. (1887) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск, 2003. – Т. 2. – С. 338–339.*
27. *Кутковая Е. С. Дискурс-анализ эмоций и теория позиционирования в исследовании социального события // Психологические исследования. – 2014. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/958-kutkovaya34.html> (дата звернення: вересень 2016).*
28. *Московские ведомости. – 1888. – 6 ноября.*
29. *Московские ведомости. – 1889. – 19 октября.*
30. *Московские ведомости. – 1893. – № 46.*
31. *Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: топа, слухи, избирательные и рекламные кампании / А. П. Назаретян. – М., 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Tolpa> (дата звернення: вересень 2016).*
32. *Новицкий Я. С берегов Днепра: Путевые заметки и исследования / Я. Новицкий // Новицкий Я. Твори : в 5 т. – Запоріжжя, 2007. – С. 48–184.*
33. *Новое время. – 1889. – 17 октября. – № 4898.*
34. *Новое время. – 1889. – 17 ноября. – № 4929.*
35. *Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время / Б. Э. Нольде. – М., 2003.*
36. *Письма герцога Армана Эммануиловича де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг. – Одесса, 1999. – С. 34.*
37. *Письмо родителей гимназии № 8 – Победоносцеву К. П. (1887) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск, 2003. – Т. 2. – С. 348–353.*
38. *Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы / Э. А. Поздняков. – М., 1994. – 128 с.*
39. *Постников В. Е. Южно-русское крестьянское хозяйство / В. Е. Постников. – М., 1891. – 391 с.*
40. *Резанов А. С. Немецкое шпионство / А. С. Резанов. – Пг., 1915. – 336 с.*
41. *Самарин Ю. Ф. Сочинения : в 12 т. / Ю. Ф. Самарин. – М., 1877–1911. – Т. 7 (1889). – 659 с.*
42. *Современный словарь по общественным наукам. – М., 2005. – С. 429.*
43. *Трубина Е. Воспитание без чувств / Е. Трубина // Ab Imperio. – 2013. – № 4. – С. 237–248.*
44. *Шапошникова А. Эмоциональное состояние / А. Шапошникова // Социология: Энциклопедия. – Минск, 2003. – С. 1272.*
45. *Щербатых Ю. В. Общая психология / Ю. В. Щербатых. – СПб, 2008. – С. 171–177.*

46. Яворницкий Д. Запорожье в остатках старины и преданиях народа : в 2 ч. / Д. Яворницкий. – К., 1995. – Ч. 1. – 447 с.
47. Яновский М. Нация, эмоции, пограничье в работах Юзефа Хлебовчека / М. Яновский // Нация и национализм: проблемно-тематический сборник. – М., 1999. – С. 122–130.
48. *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas / J. Armstrong // *American Political Science Review.* – Vol. 70. – 1976. – № 2. – P. 393–408.
49. *Martin Terry.* The German question in Russia 1848–1896 / T. Martin // *Russian history.* – 1991. – № 18. – P. 373–434.
50. *Rosenwein B.* Emotional communities in the Early Middle Ages / B. Rosenwein. – Cornell University, 2006.
51. *Shafer B. C.* Nationalism: Myth and Reality / B. Shafer. – N. Y., 1955.

Венгер Н. В. «Низовий» націоналізм як форма суспільних відносин пізньої Російської імперії: емоціологічний аналіз «німецького питання»

У статті представлена версія емоціологічного аналізу «німецького питання» – одного з проявів російського націоналістичного дискурсу. Автор аналізує причини появи емоційної групи прихильників цієї соціальної проблеми, етапи, особливості та перспективи її розвитку.

Ключові слова: «німецьке питання», німецька колонізація, російський націоналістичний дискурс, емоційна група, пізня Російська імперія.

Venger N.V. Everyday Nationalism as a Form of Public Relations in the Late Russian Empire: an Emotionological Analysis of the “German Question”

The author offers her version of the emotionological analysis of the “German question”, that was one of the manifestations of nationalistic discourse in the late Russian Empire. The author analyzes the causes of the formation of an emotional community around this social problem. She also explores stages, characteristics and prospects of its development.

Keywords: «German question», the German colonization, the Russian nationalistic discourse, an emotional community, the late Russian Empire.